

Из серии «Сирены», 2000 год.

The cover of National Geographic for April 2012, which includes one of three reports by Joan Fontcuberta for the magazine examining the impact of Neanderthals on the theory of evolution.

Из серии «Сирены», 2000 год.

деле созданы самим Фонткубертой из подсобных материалов: проволоки, кусков ткани, костей и перьев. Примерно так же лепил своих монстров мультипликатор Шванкмайер, но Фонткуберта прятал сюрреалистическую тревогу за видимостью научного правдоподобия, вызывая у зрителя еще большее смущение, когнитивный дискомфорт. Тот же формат научного мокьюментари доведен до апогея в фонткубертовскомopus магнум — проекте «Фауна» 1987 года. Его герой — зоолог Петер Амайзенхауфен, эксцентричный дарвинист, изучавший парадоксальные витки эволюции, опровергавшие логику его великого учителя и потому вычеркнутые из истории, как и сам исследователь. На фотографиях зоолога — мохнатая форель и шестиногая змея, хищная устрица с ручками и двуногая панцирная лиса, летающая маргитка-единорог и благородный бабуин-кентавр. К каждому открытому ученым существу прилагаются подробное исследование, описание строения, поведения, ареала обитания и место в разработавшейся Амайзенхауфеном «Новой зоологии», напоминающей борхесовскую классификацию фантастических существ. Впрочем, про Амайзенхауфена до конца не понятно, действительно ли он находил своих великолепных уродцев или создавал их сам, франкенштейновским методом. По одной из версий, архив бесследно исчезнувшего ученого оказался в руках американского правительства, использовавшего его в экспериментах по клонированию и разработке биологического оружия. Вообще, мокьюментари всегда близок теориям заговора. Это два очень сходных способа расшатывания реальности, шизофренического буксирования позитивного знания. И грань между смертельной серьезностью конспирологии и ироничностью мокьюментари не всегда заметна снаружи. Так было с еще одним, более поздним проектом каталонца. «Спутник» 1997 года — история об экипаже корабля «Союз-2», космонавте Иване

Источникове (буквальный перевод имени и фамилии художника) и его собаке Клоке, отбивших с корабля в неизвестном направлении, оставив после себя лишь таинственное послание в опустошенной бутылке из-под водки. Как и другие герои Фонткуберты, Источников стал жертвой цензуры памяти: был полностью вымаран из славной истории советской космонавтики и лишь недавно выкопан в архивах журналистом по имени Петр Муравейник. Фонткуберта остроумнейше сфальсифицировал путь своего героя от советского детства до космической бездны — с документами, чертежами, фотографиями (в частности, Источников, а точнее, сам Фонткуберта обнаружился на оригинальных версиях групповых фото советских космонавтов, с которых был впоследствии удален). Понять, что все это шутка, не представляло особенного труда, и тем не менее на испанском телевидении трагическая история забытого неблагодарной страной героя удостоилась детального возмущенного обсуждения. Затем, услышав, как позорят честь родины, российский посол, в свою очередь, пришел в негодование и грозился устроить дипломатический скандал. В этом «постскриптуме реальности» к проекту Фонткуберты как-то отчетливее всего звучит его ключевая и довольно понятная идея: знание, информация — это объект идеологии, знать слишком выгодно, или невыгодно. Впрочем, если бы дело сводилось к такому антипрогрессистскому манифесту, все было бы слишком просто. Прелесть Фонткуберты в том, что его фантазмы, несмотря на свою очевидную сфабрикованность, пугающе реальны. Они не рассказывают правду и не разоблачают «правду», зато они производят очень ценную, физически ощутимую ненадежность.

*Гетеборг, Hasselblad Center, до 19 января
Joan Fontcuberta. The Photography
of Nature & The Nature of Photography. MACK, 2013
mappeditons.com*